

Нежизнь

Эльмонд Облако

Эльмонд Облако

Нежизнь

<https://litres.ru/74372622>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне тридцать два года, и я давно перестала верить в сказки.

Сказки — для тех, у кого есть выбор. У меня его не было никогда.

Меня выдали замуж по договору — за главу Волчьего Круга, легенду, оборотня, убившего собственного отца и не смотрящего ни на одну женщину дольше, чем требуется для делового разговора.

Но в ту ночь, когда я впервые встретила Константина Волкова, он посмотрел на меня так, будто я была не добычей, а огнём.

А он — волк, который хочет обжечься.

Романтическое фэнтези с элементами оборотничества.

«Враги-в-любовники» + «Истинная пара».

Содержание

НЕЖИЗНЬ	4
Оглавление	4
Глава 1. Чужая свадьба	5
Глава 2. Волчья ягода	11
Глава 3. Бал	17
Глава 4. Цена	22
Глава 5. Подготовка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эльмонд Облако

Нежизнь

НЕЖИЗНЬ

Оглавление

Глава 1. Чужая свадьба	3
Глава 2. Волчья ягода	5
Глава 3. Бал	8
Глава 4. Цена	11
Глава 5. Подготовка	14
Глава 6. Свадьба	17
Глава 7. Первые дни	20
Глава 8. Знакомство	23
Глава 9. Первая угроза	26
Глава 10. Лёд	29
Глава 11. После	31
Глава 12. История	33
Глава 13. Метка	36
Глава 14. Конфликт	38
Глава 15. Война	40
Глава 16. Охота	42
Глава 17. Правда	44
Глава 18. Выбор	46
Глава 19. Битва	48
Глава 20. Конец начала	50

Глава 1. Чужая свадьба

Мне тридцать два, и я давно перестала верить в сказки.

Сказки — для тех, у кого есть выбор. У меня его не было никогда.

Свадьба чужого клана — это всегда пытка, но эта особенная выдалась особенно изощрённой. Тяжёлые шторы цвета старого золота отгораживали зал от ноябрьской московской промозглости. Хрустальные люстры лили ровный свет, от которого у меня неизменно болела голова. Агентства по организации праздников вкладывали в такие мероприятия душу, и я невольно восхищалась их самоотверженностью, потому что всё это великолепие было призвано скрыть главное: свадьба — это всегда война, только под маской церемонии.

Я сидела за столом, отведённым для союзнических семей, и держала бокал шампанского, которое не пила. Не потому, что не хотела. Потому что не могу. Алкоголь притупляет мои чувства, а я не имела права позволить себе хотя бы на минуту выпасть из-под контроля.

Вечернее платье — чёрный шёлк с высоким воротником — сидело как влитое. Единственное преимущество быть дочерью главы самого закрытого магического клана в России: ты всегда выглядишь безупречно, даже когда внутри всё рушится.

Я наблюдала.

Наблюдение — мой дар и моё проклятие одновременно. Я вижу то, что другие не замечают. Вижу, как пальцы жены главы Волкова подрагивают, когда она поднимает бокал. Вижу, как молодой оборотень у входа нервно касается нательного амулета — то ли оберег, то ли передатчик. Вижу, что жених — Артём Волков, сын главы ближайшего союзника — смотрит на невесту с выражением, которое ни один нормальный мужчина не демонстрирует на собственной свадьбе. Это не любовь. Это расчёт, доведённый до совершенства.

И я вижу его.

Он стоял у колонны, в тени, и смотрел на меня.

Серые глаза. Холодные, как московская зима за окном. Высокий — не менее метр девяносто пять. Чёрный костюм, сидевший так, будто его шили специально для того, чтобы подчёркивать каждую линию широких плеч. Волосы — тёмные, чуть длиннее, чем принято у оборотней, что в их мире означало только одно: он мог себе это позволить. Он был достаточно сильным, чтобы позволить себе выглядеть как угодно.

Константин Волков.

Глава Волчьего Круга — крупнейшего объединения оборотней в Восточной Европе. Тридцать шесть лет, холост, и, по слухам, абсолютно неприступен для любого, кто пытается подойти ближе, чем на расстояние формального разговора. Его имя произносили шёпотом даже старшие маги наших кланов — не потому, что он был жесток, а потому, что

он был непредсказуем. Волки непредсказуемы. Это известно каждому ребёнку.

И вот этот человек — Константин Волков — смотрел на меня так, будто я была неприкаянной добычей, забредшей на его территорию. Будто он не мог понять, опасна ли я или просто невкусна.

Я не дрогнула. Я не опустила взгляд. В моём мире опустить взгляд — значит проиграть. Мгновение длилось целую вечность.

Потом он отвернулся.

И я выдохнула.

Кто-то коснулся моего локтя, и я вздрогнула — впервые за вечер я позволила себе потерять контроль.

— Катя. — Голос матери, ровный и бесцветный, как всегда. Ольга Дымова — глава Клана Морозовых, пятнадцать лет у власти, двадцать лет — за ней. Она садилась рядом, и я невольно выпрямилась. — Хорошенькое платье. Не забыла, зачем мы здесь?

— Помнить невозможно, — тихо ответила я. — Забыть — тем более.

Мать оценила шутку. Редкость.

— Этот человек, — она кивнула в сторону колонны, где только что стоял Волков, — Константин. Он будет нашим соседом по столу во время переговоров.

— Я заметила.

— Он интересуется тобой.

— Он интересуется всеми, кто сидит на стороне союзников.

Мать посмотрела на меня. Её глаза — точно такие же, как мои: серые с холодным отливом, почти бесцветные. Такие глаза — семейная черта. Глаза людей, которые видят слишком много.

— Катя, — она понизила голос. — Мне нужно, чтобы ты знала: через три дня состоится Совет. Все главы кланов. Там будет обсуждаться наше предложение.

Моё сердце пропустило удар.

Предложение. Наше предложение.

Три месяца назад мать объявила о намерении создать новый союз — не просто договор о ненападении, а полноценный брачный альянс. Её формулировка была безупречно дипломатичной: «Сближение позиций через укрепление личных связей». Все в нашем кругу понимали, что это означает.

Наши дети. Наши договорённости.

Я знала об этом плане. Я знала, что рано или поздно он станет моей реальностью. Но одно дело — знать, и совсем другое — сидеть на чужой свадьбе и понимать, что времени осталось — три дня.

— Кто? — спросила я ровно.

— Волков.

Бокал в моей руке качнулся. Шампанское выплеснулось на пальцы. Я не обратила внимания.

— Волков, — повторила я. — Константин Волков?

— Тот самый.

— Ты хочешь, чтобы я вышла замуж за Константина Волкова.

— Я хочу, чтобы ты помогла мне укрепить позиции клана.

— Голос матери не дрогнул. — Замужество — один из инструментов. Если это будет Волков — тем лучше. Он сильный. Он полезный. И он — единственный, кто не отказал мне сразу.

— Потому что он не знал, что ты предлагаешь именно меня.

— Потому что он принял приглашение на Совет. — Мать сделала паузу. — А это уже многое говорит о его намерениях.

Я посмотрела на колонну, у которой он стоял. Его уже не было.

Что-то сжалось у меня в груди — не страх, не гнев. Что-то другое. Что-то, чему я не могла подобрать названия и что мне совершенно не нравилось.

— Он смотрел на меня, — сказала я. — Не как на союзника.

— Я знаю.

— Ты это планировала?

Мать впервые за вечер улыбнулась. Улыбка была красивой и абсолютно безжалостной.

— Я планировала, что он обратит на тебя внимание. Остальное — зависит от тебя, Катя. Всегда зависело.

Три дня до Совета. Три дня, чтобы понять, что на самом деле хочет Константин Волков — и что я хочу от него.

Глава 2. Волчья ягода

Три дня — достаточный срок, чтобы подготовить аргументы. Недостаточный, чтобы подготовить сердце.

Я вернулась в особняк Морозовых на Патриарших в четвёртом часу утра — слишком поздно для нормальных людей, слишком рано для тех, кто живёт по законам нашего мира. Фасад особняка не менялся с девятнадцатого века: тёмный кирпич, кованые решётки, тяжёлые двери. Внутри — другое дело. Внутри всё менялось каждые пять лет в соответствии с последними веяниями дизайна. Мать была практична в вопросах имиджа до жестокости.

Ночью Патриаршие — странное место. Они живут по своим правилам: здесь магические знаки гармонично сосуществуют с пекарнями и барами, старые деревья помнят времена, когда здесь собирались ведьмы, а новые дома построены на фундаментах, заложенных ещё во времена Столыпина. Я выросла на этих улицах. Я знала каждый камень, каждую трещину в асфальте, каждую тень в переулках. Это была моя территория. Моя единственная территория.

Грум — слуга-домовой, неотличимый от обычного человека без специального зрения — открыл дверь до того, как я коснулась ручки. Семьдесят лет назад он служил ещё моему деду. Он помнил времена, когда кланы открыто враждовали, когда границы между территориями проходили не по карте,

а по крови.

— Госпожа Екатерина, — он чуть склонил голову. — Вас ожидают.

Я замерла на пороге.

— Кто?

— Господин Волков.

Домовой смотрел на меня с выражением, которое я не могла прочесть. Грум — существо древнее, не склонное к эмоциям.

— Когда он пришёл?

— Два часа назад.

Я моргнула.

— Он ждёт два часа?

— Господин Волков не настаивал на том, чтобы его приняли немедленно. Он ожидает в восточном крыле. — Грум помолчал. — Госпожа Ольга узнала о его визите и сочла благоразумным не вмешиваться.

Ну конечно. Мать узнала, что Константин Волков пришёл лично, без предупреждения, в четыре утра — и решила «не вмешиваться». Дай ей волю, она бы нас обвенчала на месте, пока я стою с закрытыми глазами.

Я поднялась в восточное крыло.

Коридор был тёмным — не из экономии, а из принципа. Мать не любила свет, если не было необходимости. Я шла на ощупь, но мне не нужно было видеть. Я помнила каждый поворот, каждую ступеньку, каждую трещину в стене.

Дверь в восточную гостиную была приоткрыта.

Я остановилась.

Слышала.

Шаги. Медленные, размеренные. Кто-то ходил по паркету, и звук шагов говорил мне больше, чем любая анкета. Этот человек не торопился. Он не ждал. Он изучал пространство так же, как я изучала людей.

Волки всегда изучают территорию, на которую попадают.

Я толкнула дверь.

Константин стоял у окна, спиной ко мне. Он смотрел на Патриаршие — на ночные огни, на деревья, на старый фонтан в центре площади, который не работал уже лет двадцать. Его силуэт вырисовывался на фоне слабого уличного света: широкие плечи, узкая талия, руки, сложенные за спиной. Он стоял так, как стоят те, кто привык быть одновременно и в центре внимания, и в стороне от него.

Он не обернулся.

— Ты долго шла, — сказал он. Голос — низкий, ровный. Без оттенка раздражения. Он просто констатировал факт.

— Я не знала, что вы ждёте.

— Теперь знаешь.

Наконец он повернулся.

Вблизи он был другим. На свадьбе он казался опасным — впечатляющим, но отстранённым. Сейчас, в полумраке восточной гостиной, он казался чем-то иным. Не опасным. Настоящим.

Серые глаза смотрели прямо. Без вызова, без расчёта. Просто — смотрели.

— Зачем вы пришли? — спросила я.

Он не ответил сразу. Вместо этого прошёл к камину, около которого стояли два кресла — тяжёлые, резные, из тёмного дерева. Он не сел, но кивнул на кресло напротив. Приглашение. Я не приняла его. Он не настоял.

— Ты задаёшь правильные вопросы, — сказал он. — Но неправильным людям.

— Вы пришли в четыре утра. Это даёт мне право спрашивать.

Уголок его губ дрогнул. Он почти улыбнулся — и это было страшнее любого бешенства.

— Я пришёл, потому что хочу посмотреть на тебя без декораций. На свадьбе ты была в образе — красивая, неприступная, идеальная. — Он сделал паузу. — Я хочу видеть, кто ты на самом деле.

— А если вам не понравится?

— Тогда мы оба сэкономим время.

Я смотрела на него. Он смотрел на меня. Пространство между нами было заполнено чем-то невидимым — напряжением, ожиданием, вопросом, на который никто не решался ответить первым.

Потом я села.

Кресло приняло мою тяжесть с тихим вздохом. Я откинулась на спинку и посмотрела ему в глаза.

— Вы знаете, зачем моя мать приглашает вас на Совет?

— Примерно представляю.

— Она хочет, чтобы мы поженились.

Он не вздрогнул. Не отвёл взгляда. Просто чуть склонил голову, как делают волки, когда пытаются понять, что перед ними — добыча или угроза.

— А ты? — спросил он. — Ты этого хочешь?

— Я не знаю, чего хочу. — Слова вырвались раньше, чем я успела их остановить. Правда — она всегда вырывалась раньше, чем я успевала её остановить.

Константин смотрел на меня долго. Потом он сделал то, чего я не ожидала: он сел. В кресло напротив, медленно, как будто вес его тела был слишком велик для этого простого действия.

— Тогда я скажу тебе, чего хочу я. — Он наклонился вперёд, локти на коленях, руки свободно свисают. — Я хочу, чтобы ты знала: я не собираюсь ни на ком жениться по приказу. Если я женюсь на тебе — это будет мой выбор. Только мой.

— И что изменится?

— Всё. — Он смотрел мне в глаза. — И ничего. Ты останешься собой. Я останусь собой. Но мы оба будем знать, что это — наше.

Я слышала тишину. Слышала гул ночного города за окном. Слышала своё сердце — ровное, спокойное, как будто бытие рядом с этим человеком не вызывало у меня ничего,

кроме абсолютного, тотального, необратимого интереса.

Это было ложью. Конечно, я лгала себе. Я всегда лгала себе.

— Совет — через три дня, — сказала я.

— Через три дня.

— Вы должны дать ответ.

— У меня уже есть ответ. — Он поднялся. Это было неожиданно — резкость движений, как у хищника, который решил, что пора действовать. Он был у двери до того, как я успела встать.

— Какой? — спросила я.

Он остановился. Не обернулся. Но я видела его спину, напряжённую, готовую.

— Придёшь на Совет — узнаешь.

И он ушёл.

Утром я проснулась с твёрдым намерением не думать о Константине Волкове. К полудню я думала только о нём.

Глава 3. Бал

На Совет меня нарядили, как куклу.

Шёлковое платье цвета зимнего неба — дань клановой символике. Волосы забраны наверх, несколько прядей свободно падают на виски. Украшения — серебро и лёд, искусственные, но безупречные. Я знала цену безупречности. Я знала, сколько усилий стоит выглядеть так, будто не прилагаешь никаких.

Москва за окном автомобиля двигалась в обратном направлении. Обычные люди — те, кто не видел того, что видели мы — спешили по своим делам, не подозревая, что в двух кварталах от них, в здании бывшего доходного дома, семнадцать глав крупнейших магических кланов России соберутся, чтобы решить судьбу мира.

Здание Совета занимало целый квартал между Большой Бронной и Тверским бульваром. Снаружи — памятник архитектуры конца девятнадцатого века. Внутри — нечто совершенно иное. Магические щиты, вплетённые в стены при постройке, ощутимы для тех, кто знал, куда смотреть. Внутри здания пространство было больше, чем снаружи.

Я вышла из машины и подняла голову.

Здание высилось над площадью — тёмный фасад, освещённый изнутри мягким золотистым светом. Окна горели, как глаза гигантского зверя, готовящегося ко сну. Это было

хорошее здание. Правильное здание.

Мать вышла следом. Она не коснулась моей руки, не поправила воротник, не дала ни одного совета. Она шла рядом — как равная, как союзник, как глава клана.

— Помни, — сказала она тихо. — Ты — Морозова. Это всё, что им нужно знать.

Я кивнула.

Мы вошли.

Внутри было то, чего я ожидала, и то, чего не ожидала.

Большой зал — просторный, сводчатый, с колоннами, уходящими в полумрак под потолком. Круглый стол в центре — традиция, которую не меняли столетиями. Стулья за столом уже были заняты. Семнадцать глав. Семнадцать семей.

Мы были рангом ниже, чем они. Союзники, но не равные. Я заняла место за столом, предназначенное для дочерей глав, и стала ждать.

Первой я увидела её.

Женщина лет шестидесяти — но выглядела на сорок, потому что магия замедляла старение для тех, кто умел ею пользоваться. Серебряные волосы, уложенные в безупречную причёску. Глаза — тёмные, почти чёрные. Она смотрела на меня с выражением, которое я не могла прочесть.

— Мать Ксении Верховен, — прошептал мне кто-то из младших союзников. — Глава Клана Теней.

Я знала о Верховен. Клан, специализирующийся на иллюзиях и ментальной магии. Опасные. Непредсказуемые. Пре-

данные только себе.

Вторым я увидела его.

Константин сидел во главе стола — место для тех, чьи кланы были достаточно сильны, чтобы диктовать условия. Он сидел вполоборота к нам, и когда я вошла, он не повернул головы. Но я знала, что он меня почувствовал. Волки всегда чувствовали.

Серый костюм — тёмнее, чем на свадьбе. Волосы зачёсаны назад. На левом виске — тонкий шрам, которого я не заметила раньше. Что-то, оставшееся от прошлого.

Он по-прежнему не смотрел на меня.

— Совет объявляется открытым, — произнёс человек в возрасте, сидевший в центре стола. Глава Клана Солнца — старейший из присутствующих, и его слово было законом. — Совет создан по инициативе Клана Морозовых.

Все головы повернулись к нам.

Мать поднялась.

— Благодарю Совет за возможность представить предложение. — Её голос был ровным, уверенным, лишённым эмоций. — Клан Морозовых предлагает заключить союз с Волчьим Кругом. Союз, закреплённый браком.

Тишина.

Я слышала, как бьётся моё сердце. Слышала дыхание семнадцати человек в зале. Слышала шёпот — где-то в глубине, за колоннами, среди тех, кто не имел права голоса, но имел право слушать.

Первой заговорила Верховен.

— Брак, — произнесла она медленно, как будто пробова-
ла слово на вкус. — Какая... старомодная форма укрепле-
ния союзов.

— Она эффективна, — ответила мать. — Вопрос в том,
одобряет ли Волчий Круг.

Все взгляды повернулись к Константину.

Он не торопился. Он смотрел на мать — прямо, открыто,
без вызова, но и без уступки. Волки не отвечали сразу. Они
ждали, пока оппонент не раскроет все карты, а потом нано-
сили удар.

— Волчий Круг всегда был открыт к союзам, — сказал
он наконец. Голос — низкий, ровный, заполнивший зал так,
будто он был повсюду одновременно. — Но Волчий Круг не
заключает браки по указке.

Мать не дрогнула.

— Речь не об указке. Речь о взаимном интересе.

— Интерес, — он произнёс это слово так, будто оно было
непривычным на вкус. — Какой интерес у Волчьего Круга к
Морозовым?

— Ваш клан испытывает проблемы с молодыми. — Мать
сказала это ровно, без тени удовлетворения. — Мы оба это
знаем. Наши ресурсы могут помочь. Наши связи — тоже.

Это было неожиданно. Я не знала, что у Волчьего Круга
проблемы. Я не знала, что мать знала об этих проблемах.

Константин молчал.

Потом он сделал то, чего не ожидал никто.

Он посмотрел на меня.

Взгляд — прямой, открытый, без маски. Он смотрел на меня так, будто я была единственным человеком в зале. Будто все остальные перестали существовать.

— Я согласен, — сказал он.

Зал взорвался.

*Три дня назад он сказал: «Придёшь на Совет — узнаешь.»
Теперь я знала. И не знала, радоваться этому или бояться.*

Глава 4. Цена

После Совета было подписание.

Бумаги. Контракты. Условия. Всё то, что превращало устные договорённости в юридически обязывающие документы. Магия сделок — тонкая вещь. Нарушить слово, данное на Совете, мог только безумец или самоубийца.

Я подписала своё имя трижды.

Екатерина Дмитриевна Морозова.

Почерк у меня был плохой — наследственное. «Морозовы не тратят времени на красивые буквы. Мы ставим точку — и двигаемся дальше.»

Я поставила точку.

И почти поверила, что всё закончилось.

Не закончилось.

На выходе из здания Совета Константин ждал меня.

Он стоял у парадного входа — один, без охраны, без свиты. Волки не нуждались в охране. Они сами были охраной.

— Прогуляемся? — спросил он.

Это не был вопрос. Волки не задавали вопросов, на которые не знали ответа.

— Не положено, — ответила я.

— Кем не положено?

— Советом. Соображениями приличия. Моей матерью.

— Твоя мать только что продала тебя за союз с Волчьим

Кругом. — Он сказал это без осуждения, без насмешки. Просто — факт. — Тебе не кажется, что у тебя есть право на одно решение, которое ты примешь сама?

Я смотрела на него. Он смотрел на меня.

Ночной воздух был холодным. Я чувствовала, как мороз скользит по коже. Потому что я была Морозовой, и холод был моим союзником.

— Хорошо, — сказала я. — Прогуляемся.

Тверской бульвар ночью — странное место.

Обычные люди здесь редко появлялись после полуночи. Но те, кто знал, что здесь происходит, — те приходили. Они шли вдоль аллеи, не глядя друг на друга, не говоря ни слова. Маги. Обратни.

Мы шли молча.

Он шёл чуть впереди — не потому что хотел лидировать, а потому что привык. Волки всегда шли впереди.

— Ты знаешь, почему я согласился? — спросил он наконец.

— Потому что тебе это выгодно.

— Выгодно. — Он почти усмехнулся. — Да. Выгодно.

— А кроме того?

Он остановился. Я остановилась тоже. Мы стояли под старым деревом.

— Ты мне нравишься, — сказал он. — Ты нервничаешь — но не показываешь. Ты знаешь больше, чем говоришь. Ты смотришь на меня так, будто пытаешься понять, опасен ли

я. — Он сделал паузу. — Ты не боишься. Это... редкость.

— Я боюсь, — возразила я.

— Нет. — Он покачал головой. — Ты боишься того, что будет. Но не меня. Ты не боишься меня.

Может, он был прав. Может, я не боялась его. Может, в этом и была моя ошибка.

— Что будет дальше? — спросила я.

— Свадьба. — Он сказал это просто, без пафоса. — Через месяц. Потом — жизнь.

— Ты говоришь так, будто это не имеет значения.

— Это имеет значение. — Он повернулся ко мне. — Но это не всё, чем мы будем. Мы — договор. Союз. Но это не значит, что мы не можем... — Он не закончил.

Я ждала.

— ...нравиться друг другу, — закончил он.

Мы гуляли до рассвета.

Он рассказывал о Волчьем Круге — коротко, фактически. Структура, численность, территории. Я слушала и понимала: он говорил не для того, чтобы похвастаться. Он говорил, чтобы я знала.

«Ты — часть этого теперь. Ты должна знать, куда вступаешь.»

Потом мы возвращались. Улицы были пусты, фонари горели тускло. Москва спала.

У входа в здание Совета он остановился.

— Через месяц, — сказал он.

— Через месяц.

— Я пришлю за тобой.

И он ушёл. Быстро, бесшумно, растворился в ночи так, как умеют только волки.

Я стояла и смотрела на то место, где он только что был.

И думала: это начало. Или конец. Или что-то третье, чему я ещё не знала названия.

Наутро мать сказала: «Ты должна быть готова.» Она не уточнила, к чему. Я не спросила.

Глава 5. Подготовка

Месяц — это много времени. И слишком мало.

Я проводила дни в подготовке. Сначала — формальная: изучение Волчьего Круга, его истории, его законов, его иерархии. Потом — практическая: примерки платьев, согласования, переговоры о деталях церемонии. И наконец — личная: попытки понять, во что я ввязываюсь.

Клан Морозовых располагал обширной библиотекой. Семейные архивы, насчитывавшие несколько столетий, содержали всё — от летописей до личных дневников. Я проводила ночи за чтением, выискивая любые упоминания о Волчьем Круге.

Волчий Круг — клан оборотней, ведущий историю с пятнадцатого века. Первое документальное упоминание — 1478 год, Новгород. Оборотни северных земель, объединившиеся для защиты от внешних угроз. С тех пор клан разрастался, впитывая другие волчьи семьи, пока не стал крупнейшим объединением оборотней в Восточной Европе.

Их сила — не только в количестве. Волчий Круг известен своей структурой: строгая иерархия, основанная на силе и возрасте. Глава — всегда самый сильный волк стаи, независимо от возраста или пола. Константин получил этот титул в двадцать три года, победив предыдущего главу в поединке.

Никто не говорил о том, как погиб предыдущий глава. Ни-

кто не хотел об этом вспоминать.

Я нашла одну запись в дневнике прадеда — датированную 1962 годом.

«Волки не заключают браков. Они охотятся парами. Если Волчий Круг предлагает союз — это не договор. Это приглашение. Согласиться или отказаться — вопрос жизни и смерти. Принять — значит принять их природу. Их законы. Их... вкус к охоте.»

Я перечитала эту фразу трижды.

Что бы это ни значило.

На четырнадцатый день мне принесли приглашение.

Белая бумага, серебряная печать. Никаких цветов Волчьего Круга — серого, чёрного, лунного. Чистый белый.

«Приглашаем на церемонию передачи. Традиция Волчьего Круга. Ваше присутствие обязательно.»

Передача.

Я не знала, что это значит.

Мать знала. Она прочитала приглашение и кивнула.

— Передача — это ритуал. Волки передают невесту из одного стада в другое. Формальность. Но тебе придётся... показать себя.

— Показать?

— Ты — Морозова. Ты — дочь главы. Ты не будешь выглядеть слабой. — Мать смотрела на меня долго. — Ты вообще умеешь показывать себя слабой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.